

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СТРУНА И
ЛЮСТРА

Владислав Петрович Крапивин

Струна и люстра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153928

Крапивин В. Струна и люстра: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21761-8

Аннотация

Повесть "Струна и люстра", автобиографический "Крапивинский календарь" и комментарии автора ко всем вышедшим в собрании сочинений книгам.

Содержание

Немного о вечности...	4
I. ОТРЯД	10
Как она начиналась (не вечность, а «Каравелла»...)	10
Когда мы вместе...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владислав Крапивин

Струна и люстра

Мысли и заметки

о ребячьих отрядах

Немного о вечности...

Так или иначе всё упирается в вопрос: зачем живет человек?

Ответов множество. Полного и стопроцентно ясного – ни одного. Потому что, как ни вертись, а сумрачное и боязливое «зачем?» остается внутри любых философских обоснований. Зачем, если жизнь конечна? Накопленное добро за грань бытия с собой не унесешь, самая безграничная власть (если ты ею обладаешь) развеется с твоим уходом, радости и удовольствия, которые ты испытал останутся в прошлом времени. (Рассуждения о загадках Времени, возможном бессмертии души, всякого рода реинкарнациях и гипотетическом существовании в иных мирах – это отдельная тема. Мы сейчас говорим о жизни на нашей грешной Земле.)

Обретению смысла (если не полностью, то все же в изрядном объеме) может дать ощущение человеком своего

бессмертия. Приобщение к бессмертию. Оно возможно тем сильнее, чем крепче личность ощущает себя частью человеческого сообщества. «Я живу лишь определенное время, но человечество – вечно, а я его неотъемлемая часть, значит вечен и я». (Суждение, что человечество тоже может оказаться не вечным, опять же вынесем пока за скобки). Однако человек бессмертен не оставленной после себя памятью, славой и величием, а своими живыми делами, опытом, вдохновением, отданной людям радостью. Тем, что из прошлого перенесено в наши дни и перейдет в будущее и всегда будет оказывать живое влияние на множество поколений. Способствовать их пользе и дальнейшему развитию.

Бессмертны знаменитые мастера, художники, поэты, музыканты, поскольку радость, красота, богатство чувств, вдохновение, которое они подарили людям, всегда с нами и оказывают воздействие на нашу жизнь. Но так же бессмертны и те, кто во все времена пахал землю и сеял хлеб, строил корабли и дороги, сочинял бесхитростные, но мудрые сказки для своих детей и внуков, пас стада, обжигал кирпичи для будущих домов. Потому что их опыт и дела рождали новые опыты, дела, вещи, понятия и продолжают оказывать живое влияние на нынешних людей.

В душе ребенка, впервые увидевшего чудесный храм и распахнувшего от изумления глаза, оставляют свой след, живут исчезающей жизнью не только великий зодчий, задумавший это строение, но и тысячи безвестных каменщиков,

возводившие его...

Пора извиниться за это затянувшееся и, казалось бы, далекое от основной темы вступление. Но дело в том, что в течение трех с половиной десятков лет, когда я был руководителем и главным наставником в ребячьем отряде «Каравелла», я много раз говорил с детьми на эту тему. Не специально, не на лекциях, а в разных, порой неожиданно возникавших беседах «о жизни и мироздании». Бывает, что высказанные как бы случайно и между делом суждения оседают в сознании прочнее, чем услышанные на специальных семинарах... И судя по всему, они и вправду иногда оседали, поскольку творческих людей из «Каравеллы» вышло немало.

Я говорю «творческих», имея в виду не столько профессии, сколько отношение к жизни.

У меня есть книга, подаренная Вадимом Константиновичем Паустовским, сыном замечательного писателя, доброго и мудрого человека. В примечаниях к трудам Константина Георгиевича сын вспоминает, что писатель находил очень удачным выражение поэта Велимира Хлебникова, который делил людей на две категории – «изобретателей» и «приобретателей».

«Изобретатели» – все те, кто трудится, мыслит, разочаровывается, но следом за этим шаг за шагом снова овладевает культурой – то есть умением на каждом этапе пути отбрасывать худшее, неприемлемое и «культивировать» все ценное, оправдавшее себя (так пересказывает В.К. мысли отца).

«Приобретателям» все это не нужно. Они вполне довольствуется «лицом зверя»...

Оставим «приобретателей», тем более, что, по мнению Паустовского, их на свете все же меньше, чем «изобретателей», хотя именно «приобретателям» часто удается захватывать в жизни командные высоты.

«Для «изобретателей», напротив, власть сама по себе не имеет никакой цены. Боле того, они ее презирают, так как процесс развития культуры полностью занимает их силы. Он воспламеняет их и приносит то удовлетворение жизнью, что является высшим уделом человека. Они усердно служат ему у заводского станка, у письменного стола или в кабине космического корабля.»

Трудно не согласиться с этими мыслями. А согласившись, следует принять и ту истину, что культура создается творческими людьми.

Культура же – это основа цивилизации.

А цивилизация – это сфера существования человеческого сообщества, тесная причастность к которому и дает человеку ощутить себя в какой-то степени бессмертным. Ощутить – для пользы всем людям, для понимания смысла жизни, для радости бытия.

Культура – это не просто опыт и знания. Они – сами по себе ничто без определенного состояния души. Проникновение в тайну атомного ядра принесло не только понимание многих загадок природы, но и чудовищную опасность.

Строится цивилизация в течение колоссальных времен, а погибнуть может от нажатия кнопки, до которой дорвется какой-нибудь спятивший «приобретатель».

По-настоящему творческий человек (творческий по состоянию души) не потянется к кнопке. Он ощущает (иногда осознанно, иногда интуитивно), что является одним из тех, кто причастен строительству гармоничного Мироздания. То есть такого мира, который и должен быть создан во вселенной по Генеральному Замыслу (Творца или Природы – оставим эту тему философам, главное, что такой Замысел во всем пространстве ощутим).

По мнению некоторых ученых, нынешняя цивилизация на нашей планете – не первая. Из-за чего исчезли прежние? Остается гадать. Но одна из догадок та, что развитие технологий опередило рост культуры и что нравственные начала оказались недостаточным тормозом для тех, кто ради решения своих эгоистичных замыслов дотянулся до «кнопки». Неужели и с нами повторится то же самое? И все опять придется начинать с нуля?..

Надо в конце концов, чтобы люди с творческим началом, с ощущением, что доброта и товарищество – главные человеческие ценности, с пониманием, что лишь всеобщими усилиями, без вражды, мы сможем уцелеть на нашем земном шарике и построить мир, который даст людям ощутить максимальную радость жизни и приобщение к вечности – чтобы эти люди оказались сильнее.

А сделать это можно лишь при всеобщем содружестве.

А содружество начинается с детства.

Вот и приехали. От разговора о вечности к отрядным делам...

I. ОТРЯД

Как она начиналась (не вечность, а «Каравелла»...)

Не могу похвастаться, что на первом этапе создания своей «Каравеллы» я был озадачен упомянутыми выше глобальными проблемами. Приходилось решать вопросы весьма скромные по масштабу и весьма практические. Например, отучить мальчишек от дурацкой привычки – подскокить к однокласснику или приятелю-соседу со спины, опрокинуть, дать пинка и отпрыгнуть с обрадованным хихиканьем. Вроде бы невинная забава («А чё, я просто пошутил!»), но были в ней зачатки вероломства и стремления отыграться за счет того, кто слабее.

Народец-то был довольно дремучий – дети пригородного поселка с частными домами и огородами, с остатками «куркульской» психологии, с отнюдь не «лицейскими» нравами в окраинной школе...

Это были приятели и одноклассники моей племянницы (я, свежееиспеченный выпускник журфака, еще холостой и полный юношеской бодрости, жил тогда в семье старшей сестры). Ребята приходили ко мне в комнату, забав-

лялись моим фехтовальным снаряжением, дурачились, слушали мои истории из недавнего детства, рассказывали свои (стиль изложения был, прямо скажем, не салонный). Короче говоря, происходило то, что в нынешнее время называется «тусовка». Мне, автору детских рассказов, было интересно с ребятами, им было интересно со мной. Но между собой они общались на каком-то совершенно диком уровне: с гвалтом, криками, вечной возней (в которой порой проскальзывала нешуточная агрессивность), с прозвищами и «подначками»... Им все это казалось естественным. А мне не казалось. Помнились свои детские компании, где тоже хватало «всякого», но в то же время имели силу и какие-то, пусть и далекие от школьно-пионерских, кодексы ребячьей жизни...

Однажды я спросил прямо:

– Люди, а вы зачем ко мне ходите?

– А чё... Нам это... с тобой хорошо. Интересно...

– Этого, братцы, мало... – сказал я с умудренностью двадцатидвухлетнего наставника. – Надо для нормальной жизни, чтобы вам и *друг с другом* было интересно...

– А нам интересно!

– Надо, чтобы не только интересно, но и *хорошо* ...

– А нам хорошо!

– Врете вы! Вам хорошо, как дикарям, не умеющим цивилизованно относиться друг к другу. Сперва поиграли вместе, потом скушали...

– Гы-ы... А как это цви... ви...

И я стал понемногу объяснять...

Они были в общем-то славные ребята и девчонки, их этакая нахрапистость и вредность служила им чем-то вроде оболочки. Я по годам ушел от них недалеко, держался přátельски, поэтому меня слушали с достаточным доверием. Привычка наскакивать сзади исчезла за несколько дней. Глядь, и нормальные имена стали звучать чаще, чем клички, и в речах поубавилось этакой уличной задиристости...

Тем более, что я гнул свое:

– Вы же решили устроить игру в парусный корабль. А в экипаже судна без товарищества не обойтись, булькнете на дно при первом шторме... Ну и что же, что игра? Игра тем интереснее, чем больше в ней правды...

...И вот уже оказывается, что совсем не противно, а даже хорошо сидеть у костра под одной ветровкой с восьмилетним соседом (которого зовут Васька, а вовсе не «Косой»), хотя он то и дело хлюпает носом. Простыл, вот и хлюпает, а приткнулся к тебе потому, что малость опасается каких-то непонятных шорохов в темных кустах за спиной, а в тебе видит защитника. И поддразнивать его за это не надо, тем более, что и самому было бы не по себе, если бы рядом не сидели Вовка, Стасик, Андрюшка...

И никто не называет тебя «нянькой из детсада», не хихикает, когда ты на берегу Патрушихи начинаешь с ворчанием растирать своей сухой майкой перекупавшегося до посинения шестилетнего Сёгу.

И вовсе не «тили-тили-тесто», а обычное дело, когда в лесной вылазке забираешь у Ольги или Лены отяжелевший рюкзак. И им хорошо, и... тебе как-то приятно даже...

И жить без постоянных подначек, дразнилок, забав-сва-лок, где «каждый за себя», без «эй ты, щас получишь в глаз» легче, свободнее, интереснее. Не надо бояться, потому что рядом не просто соседские пацаны, от которых можно ждать чего угодно, а товарищи...

Мало того, оказывается товарищей можно найти не только в своем окружении, но и «на стороне», если не смотреть вокруг ошетиненно. Однажды пошли мы с нашим «экипажем» (еще не отрядом) в поход с ночевкой, встали лагерем на лесной поляне. Прихватили с собой две пневматические винтовки (в начале шестидесятых эти штучки продавались свободно и по пустяковой цене). Устроили стрелковые соревнования. И в это время появились на поляне пацаны из ближнего поселка. Смотрели настороженно, хотя и с любопытством. Мои ребята тоже напряглись: чего им тут надо, на *нашей* стоянке? Может, кликнув на подмогу своих поселковых да устроят драку?

Один из наших старших мальчишек, Саня Бабушкин, повел себя умнее всех:

– Эй, народ, идите к нам! Постреляем вместе!

И через четверть часа все уже вели себя, как давние приятели. Провели общий стрелковый турнир. Даже приз нашелся – банка сгущенки, которую потом высосали все вме-

сте (о, где вы были, инспекторы санэпидстанции!), пообедали сваренной на костре «пшенкой-тушенкой», до вечера сидели вместе у костра, делились школьными заботами и пересказывали друг дружке новые фильмы... Пусть не надолго, всего на полдня, но возникло содружество – маленькое общество, в котором относиться друг к другу по-товарищески, с доверием, было гораздо радостнее, чем по привычной схеме: «Ну, чё вы к нам приперлись?» И весомая гирька упала в ребячьем сознании на весы, качнув их в пользу простой истины – той, которую в последствии сформулировал мудрый кот Леопольд («Ребята, давайте жить дружно»).

Нельзя сказать, что возникновение ребячьей команды с такой вот «гуманистической» психологией было однозначно воспринято окружающим миром.

Первой «учуяла опасность» местная шпана. Хватало во-круг подростковых компаний, живущих по законам блатного мира. (Миссионерская деятельность на основе проповедей кота Леопольда в этих сообществах – утопия; даже могут, многоопытному и мудрому Макаренку случалось порой терпеть в таких делах неудачи). Были стычки, засады, насмешки. Хулиганская братия громила оборудованные нами костровые площадки, привязывалась к нашим ребятам на улицах, устраивала всякие пакости, сваливая потом вину на «Бригантину «Бандерилью» (так стала тогда называться наша группа). Вскоре подключилась местная школа.

Настороженные нервы классных руководительниц и завучей ощутили в ребятах «Бандерильи» что-то *не то*. Слишком самостоятельными стали полтора десятка Вовок, Санек и Наташ. Ладно бы еще, если бы заступались друг за дружку перед драчливыми одноклассниками, а то ведь *требуют справедливости от учителей*. (Ну, подумаешь, обозвала завуч тихого безответного Юрика «моргающим идиотом», а физрук на уроке вделал Сережке по шее! «Учителя тоже люди, у них нервы! Сами довели педагога! Что значит „все равно не имеете права обзывать и драться“? Права-то вы знаете, а вот обязанности... Вот подожди, вызову отца!»)

Родители тоже смотрели на «экипаж» по-разному. «Ну и что же, что вам вместе интересно! А школа важнее! Почему на вас Анна Ивановна жалуется?! Как это сама виновата?! Вот наставят тебе двоек за год, пойдешь в самое зачуханное ПТУ!»

И постоянно – то шушуканье вездесущих «бдительных» соседей, то хор «педагогического коллектива» и «местной общественности»:

– А что это у них там за командир? Кто такой, откуда взялся? Мало ли что в газете работает? Знаем мы эти газеты! Надо разобраться, что у него на уме и кто ему разрешил работать с детьми!

А мне никто не разрешал. Они сами пришли ко мне однажды и расходиться не хотели. А у меня не хватало духу их оставить (хотя порой и появлялись такие мысли, чело-

век слаб). Это было бы все равно, что капитан парусника (в данном случае «Бандерильи») однажды удрал с корабля на шлюпке, оставив на произвол судьбы беспомощный, не знающий навигации экипаж. Я не мог сделаться дезертиром. Хотя, конечно, не мог тогда и представить в *какойхому*т и *на сколько лет* впрягаюсь...

Впрочем, отвлекся. Сейчас речь не о трудностях, не о «сопротивлениях среды», не о нападках на мою дерзкую, но малоопытную особу, а о попытках осознать *сутьсообщества* .

Теоретик я тогда был никакой (впрочем и сейчас тоже, только практики прибавилось). По ночам, ворочаясь на жесткой холостяцкой постели, я размышлял:

а) на кой черт мне все это надо? и

б) раз уж связался с пацанами, то в чем суть моей возни с ними?

Может, поднаскребу материала для новых рассказов? Но это слишком тяжкий и хлопотный путь, да и на фи́га мне материал? У меня его в памяти на двадцать книжек, потому что прекрасно помню свое недавнее детство.

Нет, дело не во мне, а *в них* – в Ваське Беляеве, в Сеге и Валерке Стадухиных, в Альке с удивительной фамилией Сидоропуло, в Саньке Бабушкине, в Лене Кукушкиной, в Игорьке Егорове... – во всех, кто почему-то не отлипает от меня. *Им-то* что я могу дать?

И наконец шевельнулась догадка (ничего другого не мог

придумать – и слава Богу!): надо просто стараться, чтобы у них было интересное детство. Не хуже, чем было у меня. Такое, которое бы навсегда осталось у них в памяти, как радостная, полная хороших событий, многому научившая их пора.

Вспомнились чьи-то умные слова (в самом деле *чьи -то*, не я придумал): «Детство – фундамент жизни; на плохом фундаменте не построишь хороший дом. То есть построить-то можно, только долго ли он простоит?»

Я считал, что мое детство было хорошим, хотя и не лучезарным. И юность – хорошая. И стал учить ребят тому, чему научился в детстве и юности сам. Читать и обсуждать замечательные книжки, строить модели парусников, клеить воздушные змеи, фотографировать, ходить в походы, писать заметки в стенгазету и – это было очень важное для ребят и для меня умение – спортивному фехтованию. Для мальчишек (да и для многих девочек тоже) стальные звонкие рапиры – такая притягательная сила!

Компания отказалась от прежнего названия «Бандерилья» и стала именоваться «БВР» (для придиричивых педагогов – «Берег веселых робинзонов», а для внутреннего пользования – «Братство Веселого Роджера»), потом – «Мушкетер»... Теперь мы уже официально именовали себя отрядом. В шестьдесят четвертом году появились сигнальная труба и флаг («Вы видели, видели?! – негодовала «общественность». – У них флаг не красный, а рыжий, и на нем не

пионерский значок, а хулиган верхом на акуле!»).

Под флагом цвета походных костров в отряде кипели игры. Уже тогда я догадывался (а может, снова где-то вычитал), что игра – естественный образ жизни ребенка. И что детство – это не только (а может, и *не столько*) подготовка к будущему взрослому бытию, а своя полноценная, самостоятельная, полная, проблем, открытий, драматический коллизий, горестей и радостей жизнь. Ничуть не менее насыщенная и трудная, чем у взрослых (и даже более опасная, поскольку у мальчишек и девчонок мало опыта и умения для защиты от разных бед). То есть дети живут с полной отдачей, радуясь нынешнему времени, а не только помышляя о будущих эпохах...

Самуил Яковлевич Маршак замечательно сказал по этому поводу:

Существовала некогда пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни пригодится то,
Кто, жить готовясь, в детстве не живет.

А ведь сколько взрослых готовы превратить детство своих отпрысков в сплошное учение уроков и накапливание всяких умений для будущих лет, не понимая, что такое «воспитание» ведет не к обретению, а к утрате опыта.

Положительный опыт детства во многом обретается в игре, в постижении товарищеских отношений, в умении ощу-

щать красоту и радость бытия среди ежедневных, неожиданных (хотя на первый взгляд и не очень важных) открытий.

Значит, следовало делать детство ребят как можно более интересным. И это опять же могло получиться лишь при воспитании в них доброго отношения друг к другу. Только ощущая локоть товарища, можно жить полной жизнью...

Однако как далеко от обычной дружеской компании (пусть даже называющей себя отрядом, живущей интересно и весело), до сообщества, которое осознаёт себя ячейкой человечества и понимает, что надо вносить свою лепту в общее добро, в общую пользу, и видеть в этом смысл существования! Конечно, тогда (да и сейчас тоже) никто из нас не говорил столь многомудрых и значительных слов. Дело было не в словах, а в постепенном (и долгом!) осознании, что у нас, живущих вместе и дружно, должен быть какой-то более высокий смысл этой жизни и что он, видимо, кроется в принесении пользы другим людям и миру вообще.

...Мы договорились с местным лесничеством и стали охранять подступающий прямо к домам лес. Нередко пожары возникали от костров, которые разжигали и оставляли бестолковые любители пикников. Наши патрульные группы, называвшие себя «Лесная звезда», вразумляли «шашлычников» беседами о технике безопасности, заставляли окапывать костровые площадки и держать рядом ведра с водой. С упрямыми доходило до скандалов, приходилось грозить

милицией и лесником (хотя как их дозовешься – о мобильниках-то никто и не слышал тогда; правда, были в запасе одна-две сигнальные ракеты, и выпущенные в воздух просто так, для острастки, они заставляли присмиреть скандалистов...). В общем, дело было хлопотное и не всегда безопасное. Зато давало ощущение своей «общественной значимости». Тем более, что польза от лесных патрулей и в самом деле была реальная.

Порой случались комедийные эпизоды. Однажды наткнулись мы на благопристойное интеллигентное семейство, которое поджаривало рыбу на костерке, разложенном среди сухой хвои. Мальчишки индейским шагом выступили из кустов, стали вокруг и начали решительную беседу, предварив ее вежливым «Вы, конечно, извините, но...»

Глава семейства засуетился, признавая, что он, «увы, и в самом деле не досмотрел» и что «сейчас примем меры». И «ах, какие вы, ребята, молодцы...» Я подошел чуть позже и обнаружил, что нарушитель – не кто иной, как известный писатель-натуралист Борис Рябинин. Узнали друг друга, рассмеялись, он опять покаялся и начал хвалить ребят. Когда расставались, десятилетний Алька в нахлобученной старой пилотке и с зеленой нашивкой «Лесной звезды» на рукаве, сказал:

– Борис Степанович, у вас хорошие книжки про собак, я их люблю...

– Книжки или собак? – поинтересовался польщенный ав-

тор.

– И то, и другое, одинаково. Но вы ведро с водой все же не забудьте поставить у костра, такое правило...

В этом уже прорезалась бескомпромиссность отрядных принципов – та, за которую впоследствии то хвалили то (чаще) ругали пресс-центр и флотилию «Каравелла».

Видимо, эта бескомпромиссность (вкуче со стилем отношений внутри отряда и его умением быстро подниматься на разные дела) понравилась приехавшему ко мне в гости Володе Матвееву, тогдашнему заместителю главного редактора журнала «Пионер», в котором я раз за разом уже печатал свои рассказы и повести. Володя (в будущем – один из инициаторов и создателей известной «педагогики сотрудничества») сказал, что из такой «дружной ватаги» может получиться настоящий отряд юных корреспондентов, и для начала попросил сделать коллективный материал о проектах будущих городов. Сделали. В редакции ребячьи рисунки и заметки понравились... Так появился в Свердловске детский пресс-центр, подчиненный непосредственно центральному журналу, органу ЦК ВЛКСМ.

Сколько истерик это вызвало у всякого областного начальства («Почему не согласовали?! Кто разрешил?! Зачем они снова лезут в конфликтные ситуации, лучше бы на себя посмотрели!...») – это опять же отдельный разговор. Да и написано про те дела уже немало. Вопрос в другом. Как крепло и осознавало себя ребячье сообщество. Чем оно было по-

лезно. Как и за счет чего сумело выжить в самые трудные времена?

Ведь проходили десятилетие за десятилетием, исчезали и возникали государства, менялись генсеки и президенты, политические режимы и понимания жизненных ценностей, поколение за поколением, вырастая, расставались с отрядом (который с 1968 года стал называться «Каравеллой»), а это ребячье сообщество продолжало существовать, хотя порой становилось мне уже совсем не в состоянии. Бывало, что и я грешный, и мои взрослые помощники (обычно из выросших членов отряда) приходили к выводу, что «всё, кранты, пора завязывать это дело, ребята». Но другие ребята, еще не выросшие – барабанщики, юнкоры, матросы, штурманы и капитаны построенных своими руками парусников – вставляли на дыбы и отказывались «открывать кингстоны». «Жили и выживем снова!»

Так в чем же причина живучести?

Причин несколько, и, рассказывая о них, я возможно, буду говорить не по принципу их важности и весомости, а о том, что приходит в голову в первую очередь (ну, не теоретик же я, черт возьми, предупреждал ведь! А те, кто придумал термины «крапивинская система», «крапивинская педагогика», пусть сами и облачают их в научные формы).

Сначала я снова хочу сказать о *товариществе*.

Когда мы вместе...

Мне, а потом и моим помощникам (и воспитанным в отряде, и пришедшим со стороны энтузиастам) приходилось учить ребят многому (предварительно выучившись самим): фехтовальным приемам, туристским навыкам, фотоделу, кино съемкам, такелажным премудростям, элементам навигации, морским сигналам, умению владеть инструментами при постройке яхт и шитье парусов, токарному мастерству, стихосложению, журналистским жанрам, выступлениям на сцене, игре на сделанных своими руками «суворовских» барабанах и... да и не перескажешь всё. Однако самой трудной наукой было воспитание человеческих отношений. Во все времена. Так, чтобы ребята относились друг к другу по-доброму.

Может возникнуть недоуменный вопрос: как же это получается, ведь традиции товарищества вы заложили в ребячьей компании еще в самом начале и дальше они должны были работать автоматически, по инерции, поддерживая в коллективе необходимую атмосферу! Разве не так?

Так-то оно так, но... если в топку разогнавшегося паровоза не подбрасывать уголь, он долго не проедет. Несмотря на инерцию. И если не проветривать самую замечательную квартиру, воздух в ней потеряет свежесть. Ведь приходили новые ребята с привычными уличными и школьными замаш-

ками, где отношения типа «Эй ты, конопатый, ну-ка подвинься, здесь мое место, я чё сказал...» были обыкновенны, как летний дождик. И довольно заразны. Их надо было нейтрализовать и менять внутри общей отрядной атмосферы. А для этого атмосферу нужно было поддерживать в «постоянном режиме». Иногда незаметно: «Саня, поговори-ка осторожно с Игорьком, чего-то малыш утром в палатке носом хлюпал, может, по маме заскучал...» или «Анютка, вечером спой у костра про барабанщиков, наш новичок Шурик по этой песне просто обмирает...» А иногда прямее и жестче: «Братцы, вы пришли в отряд недавно и должны запомнить сразу: здесь *никто никогда никого* не дразнит, никого не обижает, ни на кого не замахивается, не показывает силу. И никаких кличек и прозвищ...»

– Ага, «никаких», – иногда возражали новички. – А вон Сережку зовут Рыжиком.

– Но это ласковое прозвище, оно ему самому нравится. Одно дело «Рыжик», другое «Рыжий». Уловили?

– Ага...

– Вот и молодцы. А теперь шагайте, помогите девочкам дошивать паруса.

– А мы не умеем!

– А они покажут. Будете люверсы обметывать.

– А если не получится? Смеяться будут...

– Да *никто не будет смеяться*. Покажут, как надо... А если люверсы не обметать как следует, парус вод ветром –

р-раз и на мелкие клочья. Так же, как отряд, если в нем не дружба, а вредность. Ясно?..

Вроде бы не хитрые нравоучения, а делали свое дело. Но, конечно, не только они, а общий настрой отрядной жизни. Понимание, что без чувства локтя друг друга «вымерем, братцы, как динозавры», и ощущение, что жить гораздо легче и смелее, когда ты «свой среди своих и равный среди равных»...

Вот, пожалуй, подходящая иллюстрация.

Двадцать лет назад, в 1986 году, «Каравелла» по заказу одного московского издательства подготовила книжку «Здравствуй, отряд!» В ту пору пионерская организация жила уже с ощущением близкого кризиса, и наиболее умные руководители искали пути ее сохранения (понимали, что вообще без детской организации стране никак нельзя). И хотели обрести какие-то примеры жизнестойкости. Вот и вспомнили про «Каравеллу». Решили получить книжку про отряд, действующий не по указаниям методистов Минпроса и завучей по воспитательной работе, а по инициативе и в интересах самих ребят.

Общими усилиями юнкоры и инструкторы пресс-центра книжку «склепали» (примеров-то и опыта хватало!). На мой взгляд, если убрать из текста слова «пионеры», «пионерский» (чтобы не шокировать нынешних борцов с «излишней заидеологизированностью»), эта ребячья книжка и сейчас могла бы во многом быть полезной для сохранившихся

и возникающих вновь разновозрастных внешкольных объединений. Но сейчас я хочу поместить здесь только маленькую главу – о том, как ребята в отряде понимали (и понимают нынче) отношения внутри своего сообщества. Называется глава «Товарищи». Вот она (даже с эпиграфом).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.